

Воспоминания

О БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ НАЧАЛЬНИКА
12-й ПОГРАНИЧНОЙ ЗАСТАВЫ 2-ГО КАЛАРАШСКОГО
ПОГРАНИЧНОГО ОТРЯДА МОЛДАВСКОГО ПОГРАНИЧНОГО
ОКРУГА ЛЕЙТЕНАНТА-ПОДПОЛКОВНИКА ЗАПАСА

Левиненко П.П.

1941 г.

ВоспоМинания

О БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ НАЧАЛЬНИКА 12-Й
ПОГРАНИЧНОЙ ЗАСТАВЫ 2-ГО
КАЛАРАШСКОГО ПОГРАНИЧНОГО ОТРЯДА
МОЛДАВСКОГО ПОГРАНИЧНОГО ОКРУГА
ЛЕЙТЕНАНТА - ПОДПОЛКОВНИКА ЗАПАСА

Левиненко П.П.

1941 г.

ВОСПОМИНАНИЯ

О БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ НАЧАЛЬНИКА 12-й ПОГРАНИЧНОЙ ЗАСТАВЫ 2-го КАЛАРАШСКОГО ПОГРАНИЧНОГО ОТРЯДА МОЛДАВСКОГО ПОГРАНИЧНОГО ОКРУГА ЛЕЙТЕНАНТА – ПОДПОЛКОВНИКА ЗАПАСА

тов. ЛЕВИНЕНКО Павла Павловича

1941 год

I.

Характеристика участка заставы, численность и вооружение л/с заставы.

I. Охраняемый участок государственной границы по своей характеристике является сложным участком.

Государственная граница проходила по фарватеру р. Прут с крутыми и пологими берегами, частыми изгибами.

В центральном участке у самой р. Прут населённый пункт с. Коту-Моры, который имея большой изгиб реки выдвинут вперед в Румынскую сторону.

Жители села Коту-Моры имели большие родственные связи с сёлами на Румынской стороне в результате установления государственной границы по р. Прут.

На правом фланге участка заставы густой лесной массив с кустарниками.

Между дислокацией л/состава заставы и линией государственной границы вырыта траншея 15 м и глубиной 1,5 м (как противотанковый ров). По рассказу местных жителей, ранее здесь проходила речка Прутец, которая при паводках постоянно угрожала селам Коту-Моры и Немцены, а также заливала всю низменность перед заставой.

По рельефу местности румынская сторона преобладала над нашей стороной.

Протяжённость охраняемого участка заставы:

- а) по прямой – 11 км.
- б) по линии государственной границы – 18 км.

Участок границы с. Коту-Моры у самой р. Прут в апреле месяце 1941г. был ограждён проволочным ограждением в 2–3 ряда. Эти мероприятия были проведены в связи с частыми нарушениями государственной границы как умышленниками, так и местными жителями, имевшими родственные связи с обеих сторон, а также в целях упреждения проникновения шпионов и диверсионных групп в нашу сторону и чисто военного значения.

С севера и до южной окраины с. Коту-Моры по линии р. Прут был возведён земляной вал - дамба, которая служила преградой от проникновения воды в с. Коту-Моры от паводков.

2. Сила и вооружение заставы к моменту вторжения немецких войск на СССР.

Начальник заставы I – лейтенант ЛЕВИНЕНКО П.П.
 Политрук заставы I – политрук ОКРЕНТ

Всего на сборах участвовало 13 служебно-розыскных собак, в том числе 4 собаки с моей заставы.

В субботний день, вечером 21 июня 1941 года 5 человек вожатых служебных собак получили увольнение на I сутки и последние уехали на свои заставы за получением обмундирования. Остальные 4 человека остались на моей заставе за уходом и кормлением собак.

Место дислокации л/состава заставы заранее было подготовлено к круговой обороне. Кругом заставы были открыты и замаскированы ходы сообщения, в которые можно было попасть прямо с помещения заставы.

Были подготовлены также три дзота с брёвен и заранее намеченными секторами обстрела для стрельбы в ночное время как в глубину, так и на флангах.

Недолго до начала войны в соответствии с указанием коменданта тов. МАТЮШИНА Г.А. и по лично разработанной им программе, личный состав заставы прошёл специальную боевую подготовку по стрельбе в ночное время и в условиях сильного тумана. Проверка личного состава по стрельбе показала отличные результаты.

II.

Обстановка на участке заставы за период март-июнь месяц 1941 года.

I. Ежедневные нарушения государственной границы немецкими и румынскими самолётами по маршруту «А», указанном на схеме.

Для пресечения нарушений границы, в середине марта 1941 года на заставу прибыла группа военных лётчиков с высшим командованием ВВС, которые, изучив мой доклад и обстановку, дали мне задание в течение 2-х суток прорубить в лесу просеку "Б" шириной 20 метров, которая будет служить для перехвата самолётов противника.

С местными жителями с. Немцены и Коту-Моры была проведена соответствующая работа, поставлена задача и указанная просека была вырублена за 24 часа.

За эти 24 часа в 6–8 км в тылу заставы было сосредоточено звено самолетов (перехвата), которое было связано телефонной связью с КП заставы. У самой заставы была сооружена большая стрела (вращающаяся), окрашенная в белый цвет, которая служила для показа направления полёта самолётов противника.

При появлении немецких и румынских самолётов, нарушающих границу, по сигналу заставы к звену наших самолётов, последние взлетали, ориентировались стрелой, входили на бреющем пролёте в прорубленную просеку, подымались в воздух и встречали самолёты противника. Завязывались воздушные бои. Были случаи, когда наши самолёты, увлечшись боем, залетали на территорию Румынии и сбивали самолёты на их территории.

За апрель-май месяц 1941 г. на участке заставы было сбито 2 немецких самолёта.

Необходимо отметить, что после сбитых самолетов нарушение воздушной границы немецкими самолётами временно прекратилось.

В начале июня месяца нарушение воздушной границы ещё больше активизировалось, но несмотря на это с комендатуры и отряда поступило распоряжение и строжайший приказ не обстреливать воздушных нарушителей границы не только ружейно-пулемётным огнём заставы, но и нашему авиазвену, несмотря на то что немецкие самолёты нагнали и пролетали над самой заставой и фотографировали её.

2. Март – Июнь 1941 г. характеризуется:

- а) Сосредоточение немецких войск в лесу "Горбан" почти у самой границы (мотопехота, танки, артиллерия) и в основном в ночное время с открытыми фарами;
- б) выселение жителей с приграничных сёл, которое закончилось к 15 июня 1941 года;
- в) строительство военных сооружений (окопов, убежищ, установка надолбов) сначала только в ночное время, а с июня месяца как в ночное, так и в дневное время;
- г) частые нарушения государственной границы через реку Прут в сторону СССР;

Примерно 16–18 июня 1941 года на участке заставы был задержан один нарушитель границы. По имеющимся данным разведки, задержанный был важным шпионом и имел особое поручение, которое он должен выполнить в тылу заставы в день вторжения немцев. Предварительные допросы на заставе, которые я вёл и вёл комендант МАТЮШИН, куда доставили нарушителя, положительных результатов не дали. Немец упорно молчал и только когда начались бои, немец заговорил и дал особо ценные сведения о

которых знал комендант участка тов. МАТЮШИН Г.А.;

д) наглые выкрики Румынской пограничной охраны с угрозами в адрес пограничников "Вот мы Вам покажем 28 июня".

Эта дата характеризуется исполнением годовщины, когда наши пограничные войска с демаркационной линии на р. Днестр перешли на р. Прут, т.е. на нашу исконную государственную границу. Исполнялась годовщина присоединения Бессарабии к Молдавии;

е) особенно отмечено оживление, передвижение и концентрация немецких войск как в дневное, так и в ночное время 19 и 20 июня 1941 года, в лесном массиве "Горбан" на правом фланге с. Коту-Моры, в также в населённом пункте Сатул Ноу за лесным массивом. Занятие окопов и огневых точек немцами. Установка миномётов и артиллерии на высоте с П.П. (против с. Коту-Моры);

и) 19 и 20 июня 1941 года открытое движение немецких офицеров группами. Выход к самой государственной границе к р. Прут на П.П., где проводили открытую рекогносцировку местности, имея в руках карты и показывали направления руками.

Обо всем, что происходило на сопредельной стороне, о поведении немцев, румын, сосредоточение войск противника, мной лично докладывалось вышестоящему командованию через каждые 4 часа по закодированной карте.

Ввиду сложившейся обстановки, служба и охрана государственной границы март-июнь месяц неслась по усиленному варианту. Весь л/состав всё время находился в боевой готовности, спал одевшись и имел при себе боевое оружие.

Офицерский состав находился на казарменном положении.

III

Организация охраны участка государственной границы в ночь с 21 на 22 июня 1941 года.

Охрана участка государственной границы осуществлялась по усиленному варианту:

- в селе Коту-Моры круглосуточный пост в составе отделения 11 человек во главе командира отделения сержанта ШАПРАКОВА.
- Служба секрета и подвижного наряда-дозора в лесном массиве правого фланга участка – 5 человек.
- Тревожная группа во главе старшины заставы МОЧАЛОВА – 6 человек.
- Остальной личный состав – боевая группа в 20 человек под моим командованием, в том числе 4 человека вожатых служебных собак с других застав комендатуры и 13-ю служебными собаками.

Проверка службы пограничных нарядов запланирована круглосуточная, причём основное внимание уделено в ночное время:

а) Политрук заставы тов. ОКРЕНТ с коноводом рядовым НАЛОБИНЫМ на правом фланге участка заставы, особенно в роще Северной с 22-30 21 июня до 3:00 22 июня 1941 года;

б) мною лично с рядовым-коноводом ШАХАНОВЫМ проверка центрального участка заставы и участка пограничного поста с. Коту-Моры с 1 часа ночи до 6 часов утра 22.6.41 г.;

в) Замполитрук тов. НИКОЛАЕВ и с ним 2 человека левый участок заставы с селом Обилены весь с 00 часов до 5.00 часов 22.6.41 г.;

г) вожатый служебных собак с собакой по кличке ДЖУЛЬБАРС, которая работает по следу, проверка контрольно-следовой полосы на всем участке заставы с 4.00 до 8.00 22.6.41 г.

3. Завязка боя. Бой и вторжение немцев на территорию участка заставы.

С 00 часов 45 мин. до 1 часа 10 мин. 22.6.41 г.

– Освещение немецкими ракетами участка села Коту-Моры в расположении пограничного поста и лесного массива на правом фланге участка заставы.

– Автоматный и пулемётный обстрел пограничных нарядов в лесном массиве на правом фланге участка заставы. Обстрел поста в селе Коту-Моры с Н.П. и обстрел наряда на левом фланге с. Коту-Моры.

Особенно сильный и активный обстрел пограничного наряда в лесном массиве правого фланга участка заставы.

В эти тревожные часы я всё время находился на заставе и домой к своей семье не ходил. Меня что-то беспокоило. Были готовы лошади для выезда на проверку своего участка, согласно плану организации охраны и проверки поста в селе Коту-Моры, но сложившаяся обстановка заставила меня остаться на заставе для оценки и принятия решения.

В 1 час 10 минут. Часовым у заставы был принят от наряда правого участка заставы сигнал Красная ракета – вызов тревожной группы на помощь. Мною была поднята тревожная группа в составе 6 чел. во главе старшины заставы тов. МОЧАЛОВА и броском направлена к месту вызова для уточнения обстановки и принятия самостоятельного решения на месте совместно с политруком тов. ОКРЕНТ, который к этому времени уже был на участке правого фланга заставы и выполнял задачу проверки несения службы нарядами.

В это же время командир пограничного поста с. Коту-Моры сержант ШАПРАКОВ доложил мне по телефону, что под прикрытием сильного автоматного огня по нарядам и непосредственно по посту, немцы начали форсировать реку Прут на лодках в 2-х направлениях на Северной и Южной окраинах с. Коту-Моры, и что он вступил в бой с немцами, но связь была порвана, и окончательного доклада от ШАПРАКОВА я не получил. Также я не мог отдать никаких распоряжений ему на защиту и что надо делать.

Примерно в 1 час 15 минут с правого фланга заставы, где находился политрук тов. ОКРЕНТ и куда была направлена мною тревожная группа во главе старшины заставы тов. МОЧАЛОВА, прибыл связной-коновод, рядовой тов. НАЛОБИН, который доложил:

"На южной опушке рощи Северной, немцы обстреляли политрука ОКРЕНТ и ранили его лошадь. Тов. ОКРЕНТ собрал наряд правого участка и подоспевшую тревожную группу во главе старшины МОЧАЛОВА и вступил в бой с немцами силой до взвода, которые форсировали р. Прут и стали продвигаться в направлении с. Немцены и нашей заставы".

— Связной рядовой НАЛОБИН также доложил, что в направлении Северной части села Коту-Моры большая перестрелка и крики на немецком и румынском языках.

Рядовой НАЛОБИН сообщил, что немцы, которые перешли государственную границу, по своему поведению действуют боязливо, но особенно активны и почему-то не принимают открытого ближнего боя, стараются действовать издалека".

"Как прикажете быть и как действовать!" — Обратился ко мне рядовой НАЛОБИН.

Прошу передать политруку тов. ОКРЕНТ мой устный приказ – 1 час 20 минут 22 июня 1941 г.

– "Собрать в один кулак все наряды правого участка. Присоединить и подчинить себе тревожную группу старшины МОЧАЛОВА. Сосредоточиться в кустарниках западнее рощи Северной. Подпустить к себе немцев на штыковой и гранатный удар и внезапным ударом обрушиться на немцев, при этом одного-двух бойцов направьте в тыл немцев.

Действовать активно и дружно, и только вперед, не давать возможности немцам осваиваться с местностью и обстреляться.

Передайте тов. ОКРЕНТУ, что только наступление активность и Организованность – успех нашего боя. Бейте немцев так, как я вас учил в мирные часы по стрельбе в ночное время.

Немцев бить и гнать в направлении рощи Круглой, рощи Коту-Морской и дома лесника, куда я выхожу с боевой группой заставы. Связь со мной посыльными и ракетами в направлении действий. Действуйте".

Вывод по сложившейся обстановке на 1 ч. 30 м. 22.6.41 г.

I. Начавшиеся события на участие заставы, не частичного и не местного значения, а явный преднамеренный и рассчитанный конфликт, который может перейти в больше бои с немцами и румынами.

2. Действия немцев на правом фланге имеет характер сдерживающий и отвлекающий на себя силы пограничников.

3. Действия немцев, а не румын на центральном участке с.Коту-Моры, это основное направление удара немцев по овладению с. Коту-Моры с целью закрепиться, а в дальнейшем развить успех.

РЕШЕНИЕ:

Всеми имеющимися силами и средствами принять бой, разбить зарвавшихся немцев и восстановить государственную границу.

Основной удар немцам нанести в районе дома лесника, рощи Лесничьей и Коту-Морской рощи, куда стянуть весь л/состав заставы и лично руководить боем на месте сообразуя с обстановкой.

Любое промедление в действиях – это смерть и хуже предательства. Только вперед. Только наступать и дерзать. Бить, бить и бить немцев и чем больше уничтожим, тем лучше для достижения цели.

В 1 час 30 минут, доложив по телефону дежурному по комендатуре обстановку на участке заставы, поднял весь личный состав заставы по тревоге и поставил задачу на оборону заставы и оказание помощи пограничникам, находившимся в это время у линии границы и в селе Коту-Моры.

На заставе оставил группу в составе 4-х человек во главе командира отделения, для связи с комендатурой и со мной, а также для обороны дислокации заставы.

Остальной личный состав, боевая группа, в составе 18 человек под моим командованием броском направилась в направлении правого фланга с. Коту-Моры для личного уточнения обстановки, оценки сил противника и принятия решения на месте.

С 1 часа 30 минут до 1 часа 50 минут.

– Интенсивный ружейно-пулемётный и миномётный обстрел пограничного поста в с. Коту-Моры и в направлении дислокации личного состава заставы.

В лесном массиве на участке правого фланга непрерывная стрельба и освещение местности ракетами.

С 1 часа 50 минут до 2 час. 30 минут.

Двигаясь во главе боевой группы и направлении Северной части с. Коту-Моры, у моста через траншею, группа была обстреляна интенсивным ружейно-пулемётным огнём со стороны Рощи Круглой, от дома лесника и камышей Северо-Западнее дома лесника.

Правее нас в роще Круглой оказалось немецкое подразделение силой до взвода, с которым вступила в бой группа политрука ОКРЕНТ, которая теснила немцев в направлении рощи Коту-Морской.

Впереди моей боевой группы в районе дома лесника и рощи Лесничьей до роты немцев, которые форсировали р. Прут в первом эшелоне и двигались в направлении заставы.

Прибывший связной с. Коту-Морского поста доложил мне, что в 1 час 30 минут на Южной и Северной окраине с. Коту-Моры немцы форсировали р. Прут на лодках. На Южной окраине силой

до 2-х взводов и на Северной окраине – до усиленной роты. Находившиеся на этих участках пограничные наряды и подоспевшие пограничники поста во главе с командиром отделения сержантом ШАПРАНОВЫМ вступили в бой с немцами, и при переправе через р. Прут было подбито гранатами 4 лодки. Много немцев расстреляны прямо в лодках. Лодки опрокинуты и разбиты.

Командир погранпоста ШАПРАНОВ сдерживал немцев, которые окружали с. Коту-Моры, с боем отходят в направлении заставы и ложиной с открытыми подступами Юго-Западнее рощи Лесничьей.

К этому же времени к моей группе присоединился наряд секрета, находившийся у р. Прут Южной опушки рощи Коту-Морской, командира Погранпоста ШАПРАНОВА, он добавил, что немцы, форсировав р. Прут, частью сил окружили с. Коту-Моры, и частью сил до роты передвигаются в направлении дома лесника, что за рекой Прут немцы готовят вторую переправу силой до роты, и к реке подвезены переправочные средства.

Вывод по обстановке:

Немцы, форсировав р. Прут, нарушили государственную границу на участке заставы в 3-х направлениях.

1-е направление, силой до 2-х взводов. Южнее рощи Северной и севернее рощи Озёрной. Здесь немцы открытого боя не принимают. Полагаю, что цель этой группировки отвлечение пограничных сил.

2-е направление силой до роты. Северная окраина с. Коту-Моры расчленённая в 2-х направлениях: одним взводом в направлении центра села Коту-Моры и двумя усиленными взводами в направлении рощи Коту-Морской, дома лесника и моста через траншею в направлении заставы. Одновременно с этим готовится дополнительная переправа немцев через р. Прут силой до роты и к реке Прут доставляются средства переправы.

3-е направление силой до 2-х взводов южнее села Коту-Моры. Одним из взводов в направлении центра села и одним взводом в направлении рощи Лесничьей.

Так образом перед личным составом заставы действуют немцы силой до 3-х рот, которые имеют задачу овладеть селом Коту-Моры, закрепиться, а затем обрушиться на заставу, разгромить её силы и развить свой успех в глубокий тыл с выходом войск на магистральную шоссейную дорогу Бухарест-Кишинёв.

Да! Это не инцидент местного значения, это, пожалуй, похоже на войну.

Задача:

1. Личному составу заставы сосредоточиться в лощине восточнее моста. Туда же сосредоточить всех служебных собак, находящихся на заставе.

2. Группе политрука тов. ОКРЕНТ совместно с тревожной группой старшины заставы тов. МОЧАЛОВА сосредоточиться в кустарниках севернее рощи Круглой, продвигаться в направлении рощи Круглой, овладеть ею и в дальнейшем нанести удар в направлении южнее дома лесника.

3. Группе зам. политрука тов. НИКОЛАЕВА и группе погранпоста сержанта ШАПРАНОВА сосредоточиться у изгиба Сухой Ручей и продвигаться в направлении юго-западной части рощи Лесничьей.

Зайти в тыл и внезапно обрушиться на немцев.

4. Я с основной боевой группой веду наступление в лоб в направлении дома лесника.

Вожатый служебных собак, всех собак заставы и застав комендатуры держать при себе, следовать за мной в 30-40 метрах и ждать моей команды.

5. Общая задача для всех. Овладеть домом лесника и рощей Лесничьей с последующим выходом всего личного состава к валу у р. Прут севернее села Коту-Моры.

6. Общий сигнал действий всех групп две красных ракеты в направлении наступлений.

7. Коноводу рядовому тов. ШАХАНОВУ срочно на заставу, доложить коменданту участка тов. МАТЮШИНУ обстановку и просить дать сигнал частям Советских войск оказать помощь заставе.

Доложить также коменданту участка, что заставка вступила в бой с немцами, а не с румынами.

8. Движение боевых групп до сближения с немцами бесшумное. При соприкосновении с противником показывать осветительными ракетами. Направление полета ракеты место её падения считать местом нахождения немцев.

9. Обращаю внимание всех командиров групп, что только движением вперед – наступлением, можно достичь успеха.

Пока немец не освоился, не изучил местность, а также пользуясь темнотой, наступать и бить немцев.

Настало время выполнить присягу, данную нами народу, правительству и нашей Коммунистической партии.

Прошу передать мою просьбу всем солдатам, чтобы каждый солдат следил и смотрел за солдатом, сержантом и офицером. Выручайте один одного в бою и чувствуйте локоть своего товарища. Немцев бейте, бейте беспощадно и в первую очередь уничтожайте их офицеров.

С 2 час. 30 мин. до 4 час. 30 мин. 22.6.41 г.

Выдвинув вперёд два ручных пулемёта с пулеметчиками, тов. ФОМИН и тов. КРЮЧКОВ и поставили им задачу поддерживать наступление групп и сосредоточить огонь на дом лесника, группы начали сближение по заданному маршруту и направлению.

Примерно в 5-ти метрах от дома лесника моя группа была встречена организованным автоматным огнем немцев и миномётов, а вслед за этим начался артиллерийский обстрел заставы и моста через траншею.

Группы политрука ОКРЕНТА, зам. политрука НИКОЛАЕВА и ШАПРАНОВА продвигалась с боем и редкой перестрелкой и заходила почти во фланги немцев, находящихся в доме лесника в роще Лесничьей.

Пользуясь незначительным заходом групп в тыл немцев и приняв решение нанести первую атаку и удар в лоб по немцам, засевшим у дома лесника, по сигналу "Серия красных ракет" весь личный состав поднялся в атаку и вступил в решительную схватку. Особенно большой бой завязался в моём направлении у дома лесника. Дом лесника заброшен гранатами, и моя группа подошла вплотную к стенам дома. У самого дома два немца выбросились с чердака и навалились на меня, один из них был оглушен автоматом по голове, а второй убит солдатом НАЛОБИНЫМ, который был рядом со мной. Но не успели расправиться с этими двумя немцами, как из-за угла дома лесника и кустов у дома лесника передо мной выросло несколько немцев.

Один немец был оглушён прикладом автомата по голове и своей тяжестью повис на мне, а в это время другой немец направил удар штыком мне в грудь. В ответ на удар штыка, я подставил под штык спину приглушённого немца и когда штык пронзил тело его, я опрокинул немца и очередью из автомата уничтожил и этого немца.

Справа от меня дрался рядовой НАЛОБИН и другие солдаты. Стрелять в упор было опасно, так как кругом были и мои бойцы и немецкие солдаты.

У моих ног лежало несколько убитых и приглушённых немцев. И не помню, какие я тогда давал команды и как это все внезапно произошло, но с кустов передо мной появился в руках с автоматом не то румын, не то немец, который почти в упор в грудь мою направил автомат и неожиданно крикнул на весьма ломанном русско-молдавском языке:

"Начальник сдавайся, сопротивление бесполезное, нас много, всех не перестреляешь".

Не помню, как это произошло, но помню, что какая-то сила заставила поднять руку с автоматом и мгновенно левой рукой оттолкнул в сторону немецкий автомат, а коленом правой ноги в область ниже живота.

Подоспевшие бойцы схватили оглушённого немца, связали ему руки и ноги и уложили его у дома лесника. Заниматься этим связанным немцем было некогда. Немцы начали отходить. Среди немцев какое-то ощущалось замешательство, и этим надо было воспользоваться.

Немцы дрогнули и с повторной атакой мы полностью овладели домом лесника, рощей Лесничьей и к 4 часам ночи вышли к кустарникам Юго-Восточнее рощи Лесничьей и Южнее Коту-Морской рощи.

С 2:30 до 4:00 часов ночи в период боя за дом лесника и рощу Лесничью начался миномётный и артиллерийский обстрел по участку болота с камышом, западнее рощи Лесничьей, но в это время бойцов заставы там не было, мы продвинулись вперёд. В это же время немецкая артиллерия продолжала вести стрельбу в направлении заставы и далее вглубь, а примерно около 3:30 - 4:00 часов ночи вглубь нашей страны и на небольшой высоте с рёвом и шумом моторов пронеслась с бомбовым грузом немецкая авиация.

Начало сереть и где-то далеко в нашем тылу слышны были взрывы бомб.

Было ясно! Начавшиеся бои, бои не местного назначения и не инцидент. Это большая война. Не на жизнь, а на смерть.

С появлением немецкой авиации, двигавшейся в наш глубокий тыл, введение в бой артиллерии и миномётов, ободрило немцев.

Получив очевидно моральную поддержку и поддержку непосредственно живой силой, дополнительных сил немцев, переправившихся через реку Прут, немцы под прикрытием миномётного, артиллерийского и пулемётного огня ринулись в атаку на нас. Силы явно были неравными. Против 40 человек пограничников двигалась лавина вооружённых фашистов в 150–200 человек. Надо было во чтобы-то ни стало любыми средствами сначала обескровить, а затем опрокинуть врага. Ни в коем случае не допускать инициативы немцев и не показывать слабость и малую численность личного состава заставы, и её мизерную огневую мощь. Атаку немцев встретить ударом гранатами и ружейно-пулемётным огнём. Пулемётчикам приказал выдвинуться на фланги и открыть отсекающий огонь по атакующим немцам.

Завязался снова большой бой. В ход были пущены ручные гранаты и открыт интенсивный огонь с винтовок, ручных пулемётов и с автомата ППШ, который единственный был у меня на вооружении.

Командирам групп политруку тов. ОКРЕНТ, старшине МОЧАЛОВУ, зам. политруку НИКОЛАЕВУ, сержанту ШАПРАНОВУ, старшему сержанту БЕЛОВУ приказал подобрать смельчаков и направить их на фланги и в тыл атакующим подразделениям немцев. Необходимо было срочно создать видимость большого наличия наших пограничников, действующих на всех направлениях.

Надо было что-то делать. Надо было действовать и действовать активно. Надо не допустить инициативы немцев и не дать им возможность получить дополнительные подкрепления и силы.

Времени не было, чтобы подсчитать потери пограничников и потери немцев. Раздумывать было некогда и мною принято решение атаковать. Надо атаковать, я сказал как-то особенно громко и моё решение поддержали рядом находившиеся со мной сержанты и бойцы. По цепочке подалась команда – готовиться к атаке.

Вожатым служебных собак было приказано сосредоточить всех собак в кустах юго-восточнее роши Лесничьей. Пограничники готовились в атаку. Пополняли боеприпасы, готовили гранаты, кому-то делали перевязки, кто-то из немцев стонал. Кругом был завал горячей крови.

Эта передышка на подготовку была какое-то мгновение 3–4 минуты. Немцы рвались вперёд и под прикрытием своих миномётов, 2 пулемётов они пошли атакой на нас. Атака была встречена огнём винтовок, ручных пулемётов, гранат и автомата. Это было примерно около 5-ти, 5:30 часов утра. Такого внезапного и организованного огня немцы, очевидно, не ожидали и дрогнули. Воспользовавшись этим замешательством, я дал сигнал на атаку. В атаку приказ пустить и всех 13 служебных собак.

Трудно описать и рассказать этот момент атаки, но она осталась для меня памятна.

Памятна эта атака осталась тем, что эта атака была не на жизнь, а на насмерть. С криками ура! За Родину! За Ленина, за Сталина! Мы пошли вперёд. На выстрелы винтовок и взрывы гранат

рядом с бойцами устроились в атаку ворчливые, оскалившие зубы собаки.

Какое-то мгновение атака немцев захлёбывалась и снова, получив подкрепление, возобновлялась повторно и так несколько раз пограничники смешивались с немцами, а среди них метались обозлившие наши служебные собаки.

Противник с большими потерями стал отходить к р. Прут за вал земляной дамбы и пограничники вышли к кустарникам западнее села Коту-Моры.

Стало какое-то временное затишье. На поле боя было убито 7 служебных собак, три из которых лежали окровавленными, а под ними шевелились немецкие солдаты.

Не помню фамилий, но здесь был убит один пограничник, ранен пулеметчик КРЮЧКОВ и ефрейтор НАЛОБИН, кое-кто из пограничников имел незначительные царапины, о которых почти все молчали. Здесь в атаке мне задело пулей между пальцев правой ноги, ранение, которое я почувствовал к исходу дня, когда снимал сапог.

За бой дома лесника, рощу лесника и до самых подступов села Коту-Моры, мы примерно насчитали около 50-ти человек убитыми немцев и 5 чел. пленных, из них: ранее связанный у дома лесника, оказался румынским капралом и был переводчиком у немцев.

Между 5-ю и 6-ю часами утра перед отконвоированием военнопленных в комендатуру, мной был произведен беглый опрос пленных. Пленный румын оказался переводчиком и незначительно владеющий русским языком.

При опросе было установлено, что в лесном массиве Горбан в селе Сатул-Ноу, сосредоточена мотопехота до усиленного батальона и имеет задачу после успешного форсирования р. Прут и овладения селом Коту-Моры, навести надёжную переправу, разбить силы заставы, произвести вглубь тыла прорыв и выйти на шоссейную магистральную дорогу, идущую в направлении Бухарест-Кишинёв.

Военнопленные утверждали, что пограничникам "капут", что немцев много, много машин и танков, и что наше сопротивление бесполезно и бессмысленно. Предлагали перейти на ихнюю сторону, где всем нам будет сохранена жизнь.

При этом капрал сообщил, что задачу передовых подразделений прорыва, входила основная задача овладеть селом Коту-Моры и взять живьем в плен начальника заставы, т.е. меня.

Примерно в 5 ч. 30 м., выделенный конвой из 2-х человек возвратился к месту боя и доложил, что военнопленные при попытке к бегству были убиты. А спустя несколько дней состав конвоя признался, что они военнопленных расстреляли недалеко в лесу, так как пограничников было мало и они не могли уйти с поля боя.

Между 6-ю и 7-ю часами 22.6.41 г. мне доложили, что на окраине с. Обелены-Векь, прибыла автомашина с группой пограничников, очевидно это помощь с комендатуры, которую я так ждал с нетерпением в эти трудные часы по обороне государственной границы.

В эти трудные часы я был и командир и советчик. Советоваться было не с кем, и я принимал решение самостоятельно, как велела совесть, чувство ответственности перед Родиной и перед партией. Ведь я вступил в бой тогда, будучи кандидатом партии.

Пользуясь какой-то неожиданной передышкой боя, я вскочил на верховую лошадь и с коноводом-пограничником тов. ШАХАНОВЫМ скрытыми подступами прибыл в село Обелены-Векь, где встретил группу поддержки комендатуры во главе коменданта участка тов. МАТЮШИНА Г.А.

В группе поддержки был начальник связи и комендатуры лейтенант тов. РЫЖИКОВ А.В. и с ним ещё 6 бойцов хозяйственного взвода комендатуры.

Зная отлично местность, кустарниками и зарослями я привёл группу к месту боя к кустарникам западной части села Коту-Моры, где доложил коменданту тов. МАТЮШИНУ обстановку и изложил свои предложения по разгрому 2-х рот противника.

Кстати, я на это время был уже малость обстрелянным воином, знал силу и слабые места противника - немцев. Знал отлично местность и село Коту-Моры, где нам предстояло сражение.

Комендант, капитан МАТЮШИН Гурий Алексеевич согласился с предложением, дополнил его и принял решение нанести удар в тыл немцам и освободить с. Коту-Моры.

Замысел был правильным и дерзким, но весьма тяжелым. Немцы к этому времени получили подкрепление свежими резервами и снова пошли в атаку. Завязался снова большой рукопашный бой между горсточкой пограничников и во много раз превосходящими силами немцев. По сложившейся обстановке на участке боя фактически билось две группы пограничников. Одну группу возглавлял сам комендант МАТЮШИН, в которой был и лейтенант РЫЖИКОВ А.В., вторую группу - группу пограничников заставы возглавлял я лично сам.

Для того, чтобы зайти лейтенанту РЫЖИКОВУ в тыл к противнику, а мне к своим пограничникам надо было преодолеть открытый участок местности. Как только мы вышли на открытый участок, то сразу же на нас обрушился огонь миномётов и артиллерии противника, и все мои "необстрелянные" товарищи с комендатуры как камнем попадали на землю. Я вынужден был вмешаться и предупредил всех, что если мы будем часто ложиться, то нас перебьют немцы минометным огнем и задачи не выполним. Внимательно следите за мной и за разрывами мин и снарядов. Делайте то, что буду делать я. Я принял команду на себя и вся группа броском, периодически то ложил, то поднимал её, вышла к намеченному месту.

В тыл немцев мы зашли успешно. На северной окраине села нас встретил один молдаванин и сообщил, где находятся немцы, указав на излучину реки у села. Пройдя бесшумно к указанному месту мы увидели группу фашистов примерно в 40–50 человек,

которые сидели на траве и не ожидали нас здесь в тылу.

Мы сосредоточились в кустарнике на бросок гранаты. МАТЮШИН нам поставил задачу забросать немцев гранатами и закончить в рукопашной. Была дана команда подготовить к бою гранаты. Вопреки инструкции я приказал бросать гранаты только с оборонительными рубашками. Все смотрели на меня, почему я делаю, почему мол я нарушаю инструкцию, но все пограничники, а также МАТЮШИН и РЫЖИКОВ очевидно поняли мой замысел и согласились.

У нас всех была одна мысль, как можно больше уничтожить живой силы противника. По команде все бросили гранаты, хлопнули залпы капсулей и... тишина. Все переживали, взрывов не было, 3–4 секунды для необстрелянных казались вечностью.

Сам лейтенант РЫЖИКОВ, да и часть бойцов пытались подняться, но я крикнул – лежать! Начался грохот разрывов наших гранат, а вслед за взрывами крики и стоны фашистов. Расстреливая в упор и нанося удары прикладами, мы бросились на немцев. Здесь мы были все рядом и чувство локтя, и выручка в бою была ежеминутная. Моя группа поддерживала РЫЖИКОВА, а его группа поддерживала меня.

Однако, наш успех был очень коротким. По всей нашей группе ударили немецкие пулемёты, находившиеся недалеко от места боя и которых мы не видели. Мы все залегли. Капитан МАТЮШИН посмотрел на меня и на РЫЖИКОВА, и мы оба поняли, что пулемет надо уничтожить. Лейтенант РЫЖИКОВ подготовил гранаты и начал ползком передвигаться в направлении к пулемёту. Я же взял на себя роль обеспечения огнем продвижение его вперед.

Пока лейтенант РЫЖИКОВ двигался к намеченной цели я со своего автомата ППШ открыл уничтожающий огонь по немцам. Офицер немцев поднял подразделение в атаку, но эта атака была расстреляна автоматом и гранатой, брошенной мной, а немецкий офицер убит с пистолета. В этой атаке пулей сбило с моей головы мою зелёную фуражку и некоторое время, т.е. до завершения окончательного удара я ходил без фуражки. Здесь же вражеской пулей мне задело царапиной мою шею.

Пока я справлялся с пехотой немцев, лейтенант РЫЖИКОВ выполнил поставленную задачу и уничтожил ручной пулемёт. При уничтожении ручного пулемёта лейтенант РЫЖИКОВ лицом к лицу встретился с группой немцев и уничтожил их в рукопашной схватке. Так в последующем, действуя вместе с лейтенантом РЫЖИКОВЫМ, мы уничтожили с ним ещё несколько огневых точек, и нас везде и всюду поддерживали наши пограничники.

Яростные атаки немцев и в этот раз были сорваны. Понесся большие потери немцы откатились на свои позиции и их плацдарм на нашей земле горел под ногами.

Пределу мужества и героизма офицеров и пограничников не было. Замысел немцев прорваться на участке заставы был сорван. Мы перестали считать убитых, ибо во всех у нас было одно желание, как можно больше истреблять и убивать немцев.

Трудно вспомнить, да и трудно описать тот весь период боя, тот натиск и подвиги наших бойцов за защиту нашей границы. Но обученность бойцов сражаться в одиночку, вести стрельбу в ночное время, оказание помощи друг другу в бою, взаимодействие боевых групп, отличное знание местности – сыграли свое благородное дело.

Нет, всего этого не опишешь. Да, собственно говоря, тогда нам и некогда было думать об описании этих боев, об их истории.

Разве мы тогда с лейтенантом РЫЖИКОВЫМ думали, что мы останемся в живых, и что нам придется когда-то писать воспоминания о первых боях и на этих примерах и на примерах и подвигах пограничников, воспитывать мужество, героизм и преданность нашей Родине у молодых пограничников и офицеров, которые сейчас стоят на страже наших границ.

Нет, тогда об этом мы не думали. Мы думали не о жизни. Мы думали о защите нашей Родины, о нашем долге перед Родиной, о выполнении данной нами присяги. Мы думали о выполнении своего партийного долга. У нас тогда было одно желание – разбить зарвавшихся немцев и восстановить государственную границу.

Примерно в 9:00 часов 22.6.41 г. к нам на помощь прибыл один взвод солдат стрелковой части советских войск. При этом необходимо отметить, что группа солдат помощи пришла с большим опозданием с ограниченным количеством боеприпасов и без гранат, а большинство из них имели холостые патроны. Ввиду такого опоздания своей роли они не выполнили и фактически застава помощи от них не получила.

Вооружив прибывших солдат боеприпасами и присоединив их к личному составу заставы и группе поддержки с комендатуры, комендантом участка капитаном МАТЮШИНЫМ и мною была поставлена задача: "Опрокинуть в р. Прут основную группировку немцев на правом фланге с. Коту-Моры, ворваться в центр села, разгромить орудовавших там немцев и восстановить государственную границу".

Растянувшись по фронту, примерно на 100 метров и офицеры встав в цепи солдат, с возгласом и криками "Ура", "Бей зарвавшихся немцев", За Ленина, за Сталина, за нашу Родину, вперед!". Мы пошли в атаку, в последнюю решающую атаку.

Расстреливали немцев на ходу из пистолетов, автоматов, ручных пулемётов и гранатами; немцы дрогнули и были опрокинуты в р. Прут.

Оставив у вала р. Прут группу прикрытия с ручными пулемётами и поставив задачу перед ней воспрепятствовать переправе и сосредоточению немцев в лесу на левом берегу р. Прут, мы с боем вышли в центр села Коту-Моры, а затем с боем выбив там засевших и орудовавших немцев, стремительным ударом вышли на левый участок с. Коту-Моры, опрокинули в р. Прут оставшихся немцев и к 15 часам полностью очистили от немцев участок государственной границы 12-й пограничной заставы.

По общему сигналу, пограничники всей силой обрушились на врага. Действуя штыком и гранатами, мы ворвались в село. Садами и огородами, прижимаясь к зданиям и заборам, войдя скрытно подбирались к противнику, укрывшемуся в постройках, и забрасывали его гранатами.

Гитлеровцы оказали упорное сопротивление. В одном из домов на направлении, где действовала группа капитана МАТЮШИНА и лейтенанта РЫЖИКОВА, засело пять немецких солдат. Из окон и чердака они простреливали площадь у церкви и подступы к дому.

Пулемётчик тов. ФОМИН с открытой позиции очередями вёл огонь по фашистам. Воспользовавшись этим, рядовые КРЮЧКОВ И НАЛОБИН пробрались через сад к дому и метнули в окно гранаты. Трое из пяти немцев остались на месте, а двое, пытавшихся бежать, были постигнуты пулями ФОМИНА.

На пути движения моей группы оказалась группа немецких автоматчиков, укрывшихся в доме. Старший сержант БЕЛОВ огнём с чердака противоположного дома и пограничник ПОМАЗКОВ гранатой, брошенной в окно, уничтожили их. Штыком и гранатой эти воины покончили и с немцами, засевшими в одном из сараев и мешавшие своим огнём продвижению моей группы.

Отдельные немецкие солдаты пытались укрыться в подвалах и погребах, но местные жители помогли пограничникам разыскивать их и задерживать, а тех, которые сопротивлялись просто уничтожать.

Выполнив основную задачу первого дня боя, группа поддержки с комендатуры и взвод поддержки стрелкового подразделения в 17:00 выехали в свои места дислокации.

За период краткого пребывания немцев в с. Коту-Моры, последние убили гр-на РОШКО Петра и увезли с собой часть активистов села, которые постоянно содействовали пограничникам и были на связи со мной.

Помещик-кулак, живший на хуторе с. Коту-Моры, который являлся подозрительной личностью и которого готовили к репрессированию, в первый же день боя удрал к немцам.

Следует также отметить, что в период всего боя с немцами, последние поддерживались миномётным огнём крупнокалиберных пулеметов с высоты у Н.П. преобладающей Румынской стороны в непосредственной близости села Коту-Моры.

При выполнении боевой задачи по изгнанию немцев и восстановлению государственной границы, мне очень помогли жители села Коту-Моры и Немцены: ТАТАРОВ Якиш Федорович, ЧЕБАН Георгий Георгиевич, МКДАН Фома Иванович, ГУШУК Артём Иванович, РОШКО Петро (убит), ВЕРДЕШ Григорий Иванович, ПОПА Тома Васильевич, БОЧУ Эманугл Васильевич, МЕРЗЕНКО Валентина Владимировна, ВЕРДЕШ Василий Григорьевич, ТИМОТИН Дмитрий Иванович, РУССУ Стефан Иванович, МОРДЕР Афанасий Петрович, РАЙКУ Афанасий Васильевич и другие многие жители сёл.

Большую помощь мне оказал НИКОЛАУ Николай Захарович, который вечером 22.6.41 г. на своих лошадях увез в глубокий тыл мою семью и семьи офицеров заставы. В сборах семей помогала гражданка села ВЕРАРЬ Зиновья Викторовна.

Многие граждане сёл Коту-Моры и Немцены за их активную помощь пограничникам в те тяжёлые дни войны, заслуживают внимания и поощрения. И я бы хотел, чтобы лучшие из них, которые и сейчас трудятся и помогают пограничникам были бы отмечены командованием пограничных войск.

В порядке воспоминания хочется сказать.

Очень странно. Даже сейчас я вспоминаю часто и спрашиваю себя – зачем я отдавал приказ возить убитых немцев на заставу, а затем хотел было всех убитых сбросить в только что вырытый колодец во дворе заставы.

Но мне жаль было труда крестьян, которые колодец вырыли, и жаль стало хорошей, мягкой и прозрачной питьевой воды, которую нашли в колодце, и я свое решение отменил.

Убитые немцы остались на поле боя и во дворе заставы в штабелях и где только их настигла пуля пограничников.

Помню, как сейчас, когда вечером 22 июня 1941 года ко мне пришла группа крестьян села Немцены и стали просить у меня разрешение снять с убитых немцев сапоги. Крестьянам, обратившимся ко мне с просьбой снять сапоги, я разрешил это сделать. Но как они снимали сапоги, в то время меня не интересовало, но помню, что перед осмотром трупов и изъятия у них документов убитые были уже опухшие и брызглые и снять сапоги, по-видимому, было нелегко.

Вывод по первому дню боя.

1. Замысел немцев овладеть селом Коту-Моры, закрепиться, навести постоянную переправу через р. Прут, а затем сосредоточенным кулаком разгромить заставу и прорваться в наш тыл на шоссейную магистральную дорогу Бухарест-Кишинёв, был сорван.

Осуществить немцам замысел не удалось.

2. К 15 часам дня 22 июня 1941 года немцы были изгнаны с занятой территории и государственная граница восстановлена.

3. Личный состав заставы и прибывшая с комендатуры группа поддержки, благодаря выучке личного состава вести индивидуальный самостоятельный бой с любой группой противника, смелости, самоответственности и героизму, свою задачу выполнили.

Офицеры и пограничники дрались мужественно и героически и не щадя своей жизни, выполнили свой долг и присягу, данную ими народу, партии и правительству.

Охрана участка государственной границы в ночь с 22 на 23 июня 1941 года.

Несмотря на усталость личного состава последние держались мужественно и беспрекословно выполняли все мои приказы и распоряжения.

Охрана участка границы была организована по особо усиленному варианту. Было обращено особое внимание на организацию охраны центрального участка заставы, т.е. на участок села Коту-Моры, где немцы пытались прорваться.

Учитывая, что немцам не удалось прорваться и закрепиться в с. Коту-Моры и что, возможно, такая попытка немцев может повториться, мною была сколочена боевая группа в составе 12 человек с 2-мя ручными пулемётами, которой дал возможность отдохнуть 4 часа, была поднята в час ночи и во главе со мной под прикрытием темноты окопалась и заняла оборону у самой р. Прут, на участке предыдущего дня боя.

Расчёт и выбор места расположения боевой группы был обдуман и оправдан.

В 4 часа ночи 23.6.41 г. немцы снова начали сосредотачиваться и готовиться к переправе, но выбрав момент, когда немцы пытались отчаливать на лодках, по моей команде личный состав обрушился огнём с ручных пулеметов и винтовок на немцев, которые оставив убитых у берега р. Прут, вынуждены были отказаться от дальнейшей попытки переправиться и закрепиться на нашей Советской земле.

В течение почти всего дня 23 июня 1941 года немцы обстреливали с миномётов и артиллерии заставу, а также беспорядочно бросали снаряды с минометов по центральному участку заставы.

В связи с обстрелом расположения заставы и в целях сохранения личного состава, с наступлением темноты с 23 на 24 июня 1941 года, я отдал приказ всему личному составу бросить казарму и вывел всех солдат в глубь оврага идущего в тыл, левее казармы и отдал распоряжение за ночь окопаться и занять оборону. Туда же была перенесена связь с комендатурой.

Немцы открыто устанавливали артиллерию и подтянули несколько танков в непосредственную близость к границе у самой р. Прут. Они снова готовились к бою.

24 июня 1941 года.

В 7.00 часов утра мной была установлена связь с артиллерийской батареей, вызванной на помощь и расположившейся в тылу у комендатуры.

Мною были переданы по координатной сетке карты, занятые и расположенные огневые точки немцев, и с 9.00 до 11.00 наша батарея открыла сначала вилочный, а затем прицельный огонь.

Намеченная операция немцев открыть огонь по заставе, подавить морально личный состав и снова закрепиться на нашем берегу была сорвана. Посланные снаряды в цель сыграли свое дело.

После боя 22 июня и в течение дня 23 и 24 июня 1941 г. мне неоднократно звонили из комендатуры и пограничного отряда. Поздравляли с успехами боя. Поздравляли с высокой правительственной наградой, ибо по словам командования, документы на награждение послали в управление пограничных войск в г. Кишинёв.

Примерно 2–3 июля (точно не помню) 1941 года я лично и часть отличившихся в боях пограничников были срочно отозваны в комендатуру, а затем направлены в г. Рыбницу (старая дислокация 2-го пограничного отряда), где нам зачитали приказ начальника пограничных войск СССР и срочно направили в Москву.

В приказе было сказано:

"Офицеров и пограничников, отличившихся в первый день боя за нашу Советскую Родину, срочно направить в Москву для защиты её и прохождения дальнейшей службы".

Характерно отметить, что проезжая через гор. Кишинёв в гор. Рыбницу, куда я был направлен с бойцами, нас встречало население гор. Кишинёва как настоящих героев, а на домах гор. Кишинёва висели плакаты, на которых была моя и РЫЖИКОВА фамилии "Слава героям первого дня боя".

Так, собственно говоря, по прибытию в июле месяце 1941 года в гор. Серпухово на формирование особой дивизии МВД для защиты гор. Москвы и кончилась моя служба в Пограничных войсках. Кончилось моё первое боевое испытание.

Шла война. Великая Отечественная война.

Несмотря на весьма напряженную международную обстановку, а также большие военные приготовления немцев на румынской стороне, мы думали об отдыхе пограничников.

Нам просто не верилось, что первые дни боёв на границе с зарвавшимися немцами были началом кровопролитной Великой Отечественной войны.

Просто не верилось! Не верилось потому, что накануне этого дня мы жили мирным созидательным трудом и мечтали совершенно о другом. Хорошо помню, когда накануне 22 июня 1941 года я договорился с Анатолием РЫЖИКОВЫМ провести воскресный день на футбольном поле, где было мы встречались и ранее по воскресным дням и нас всегда поддерживал комендант тов. МАТЮШИН Гурий Алексеевич.

Тов. МАТЮШИН был не только наш старший начальник, но он всегда был для нас и хорошим организатором досуга. Он был и болельщиком, и нашим общественным "судьей".

Бывало, мы с Анатолием обратимся к нему за разрешением по вопросу организации игр футбола, волейбола или соревнований по стрельбе и Гурий Алексеевич МАТЮШИН отвечает:

"Ну добро. Так тому и быть. Собирайте людей, будем соревноваться". Посмотрим кто лучше подготовлен, только не забудьте пригласить семьи офицеров".

Пограничники, офицеры и наши семьи – это одна общая большая семья. Мы часто встречались, проводили вместе досуг, организовывали самодеятельность и отдых так, чтобы никто не ощущал одиночества и оторванности от культурных центров страны.

А жёны и семьи наши. Как они старательно повседневно шефствовали над бытом наших солдат.

Бывало, моя супруга Евдокия Ефимовна соберёт жён офицеров заставы – жену политрука заставы Соню ОКРЕНТ, жену моего заместителя КАЛГАНОВУ и других женщин и скажет им: "А ну женщины пошли в казарму к солдатам". И начался настоящий аврал. Уберут тумбочки, вымоют окна, двери, постирают, наладят повесят свежие салфетки, занавески, коврики и в комнатах чисто и уютно после пройденных рук наших боевых подруг.

И в праздничные дни. Опять-таки вмешиваются наши женщины. Соберёт жена их и поставит перед ними задачу: "Женщины, давайте приготовим нашим пограничникам вкусную по-домашнему пищу". И снова кипит работа. Появляются пироги, вареники и другие вкусные домашние блюда, которые не входили в раскладку и меню солдатской кухни.

А как эта забота о солдате памятна каждому. Помню, бывало соберутся солдаты в окопах в перерывах между боев и начнут вспоминать – вот если бы сюда сейчас Евдокию Ефимовну – жену начальника заставы, да её вкусные пироги или вареники, покушать и в бой можно.

Или возьмём женщин офицеров комендатуры, где организатором была Наталия Васильевна МАТЮШИНА (жена коменданта участка). Она в те времена возглавляла женсовет и тоже, бывало, соберёт женщин комендатуры и поехали к жёнам офицеров застав, с которыми и побеседует и проведет занятия и организует досуг.

Приятно о хорошем вспоминать.

На память о смерти наших воинов, о живых товарищах, которые шли в бой во имя спасения нашей Родины — это особая память. Мы обязаны помнить их и никогда не забывать их подвигов.

Со дня первого боя прошло почти 25 лет. Постепенно сглаживаются все неудачи и ограничения. Но самое главное, из памяти ушли все мои боевые товарищи и друзья первого дня боя.

Время и годы своё берут, я, напрягая даже до предела свой мозг, не могу вспомнить не только имена, но и фамилии живых и погибших товарищей.

В память о вас мои дорогие, хочу выразить словами:

— "Земля! Какая ты могущественная и сильная! Земля! Ты впитала горячую кровь пограничников, грудью ставших на защиту наших границ день войны 22 июля 1941 года.

Земля! Ты вдохновила силу и мужество нашим воинам отстоять и победить злейшего врага человечества.

Вечная память погибшим бойцам, отдавшим свою жизнь во славу прогресса, могущества, мирной жизни и процветания нашей Великой Родины!

Слава воинам в зелёных фуражках, которые находятся на передовой линии и надёжно обеспечивают охрану и защиту мирного созидательного труда нашего народа.

IV. Война. Дальнейшее прохождение воинской службы. Август 1941 г. – февраль 1954 г.

Примерно 5–8 июля 1941 года офицеры и пограничники, отличавшиеся в боях на границе в первые дни боя, были сосредоточены в гор. Рыбница (бывшее место дислокации 2-го пограничного отряда) усажены в товарный эшелон и направлен в направлении гор. Москвы.

Эшелон был комбинированным и большим. Почти 50% эшелона были заняты семьями офицеров-пограничников, которых старались сохранить и вывезти подальше в тыл.

Эшелон двигался весьма медленно и обходил узловые станции, которые были уже парализованы и разбиты.

В пути следования эшелон неоднократно подвергался обстрелу немецкими самолётами. Были убитые, раненые. От налёта немецких самолётов мы защищались организованным огнём ручных пулемётов и винтовок, но мы двигались вперёд и вперёд в одну из июльских ночей мы проследовали узловую станцию Запорожье и остановились на безымянном полустанке.

На этом полустанке были отцеплены вагоны с семьями, которых направили в направления гор. Воронежа, а нас военных направили в направлении гор. Москвы.

Примерно 20 июля 1941 года нас привезли к опушке леса у г. Серпухова, где мы разгрузились и сходу вошли в берёзовый лес, место нашей дислокации на период формирования.

Но долго здесь нам быть не пришлось. Ещё не отдохнув и не обмундировавшись, в одну из ночей нас подняли по тревоге, усадили в вагоны и увезли под Бородино.

Боевую задачу получили прямо в вагонах. Надо было прямо с вагонов быстро выгрузиться и сходу вступить в бой с немцами за Бородино, где высадился немецкий десант.

Вагон, в котором находились солдаты, был взвод, а офицер, находившийся в вагоне, был командиром взвода.

Так, я стал командиром взвода солдат, которых не знал ни по фамилии, ни по именам, и не вооружённых, как это положено подразделению.

Это был первый бой на дальних подступах к Москве. Бой был коротким, но жестоким. Высадившийся десант немцев был полностью уничтожен, и нас снова на 3 суток усадили в вагоны и мы снова прибыли в лес под гор. Серпухово.

В лесу под гор. Серпухово формировалась из пограничников и войск МВД 259 дивизия, командиром которой был генерал-майор тов. ШИЛОВ.

Тогда меня назначили командиром особого взвода, особого отдела дивизии, которую возглавлял подполковник ФУКС.

К концу июля 1941 года дивизия сформировалась в боевую единицу, была усажена в оборудованные товарные вагоны, и нас увезли в направлении гор. Старая Русса, где влились мы в состав II армии МВД под командованием генерала МАСЛЕННИКОВА.

Наша дивизия сосредоточилась у дер. Иваново у реки Ловать. Где-то справа был железнодорожный узел Демянск, а впереди в 18-20 километрах гор. Старая Русса.

Мы были в обороне, но недолго. Впереди за гор. Старая Русса велись ожесточённые кровопролитные бои. Впереди был сплошной гул стрельбы и канонады и зарево сплошного огня. Противник наступал и приближался к нашим позициям.

Бой начался у р. Ловать за переправу, у которой вода была красной, а в воде множество трупов.

Река Ловать с переправой переходила из руки в руки. Это был не бой, а крошечный "ад", который трудно описать.

Примерно в первой половине августа 1941 года в штаб нашей дивизии прибыл генерал из ставки верховного командования (фамилии не помню). Был собран весь офицерский состав и поставлена боевая задача:

"Городу Ленинграду угрожает большая опасность окружения. Колыбель революции в опасности должна быть нашей до конца. Ваша задача в 6:00 утра наступлением на широком фронте овладеть городом Старая Русса, дать возможность эвакуировать из гор. Ленинграда население (стариков и детей) и подтянуть резервы для защиты Ленинграда.

Вас будет поддерживать авиация, артиллерия, танки и новый вид оружия, работу которого Вы увидите сегодня в 22.00 на правом фланге своей дивизии".

Подготовка к предстоящему наступлению состоялась. Подготовили личный состав, накормили, дали отдохнуть, а в 22.00 наблюдали работу нового вида оружия. Мы видели сплошной огненный шквал, но результатов и боевых технических свойств его не знали, это была славная "Катюша", как потом ее называли воины.

Утром в назначенное время и по заданному направлению дивизия пошла в наступление с целью овладеть гор. Старая-Русса. С незначительными боями мы двигались вперёд к намеченной цели и прошли примерно 8-10 км. Всё шло, как было задумано накануне в штабе.

Но тут было не то. На одном из огневых рубежей, наступающих воинов встретил сплошной огонь всех видов немецкого оружия. Ряды наших воинов начали редеть. Наше наступление захлебнулось. Мы начали отход с большими и тяжёлыми потерями и частыми рукопашными схватками с немцами. Наведённые переправы постоянно были под обстрелом немецкой артиллерии и авиации.

Осевая направляющая связь с частями и подразделениями была потеряна. В болотистых местах у р. Ловать и под Демянском застревала наша техника. Бой был "кромешный", и пролито много крови.

В одном из таких боёв был смертельно ранен командир дивизии генерал-майор СИЛОВ и ранен в ногу комиссар дивизии СКОРОДУМОВ. Обещанная верховной военной ставкой поддержка наших частей артиллерией, танками, самолетами и "Катюшами" по какой-то причине не состоялась.

Я, как командир взвода особого отделения дивизии, от выполнения своей основной задачи перешёл на выполнение задачи заградительного отряда по обеспечению отхода дивизии на заранее подготовленные рубежи.

Был момент, когда мой взвод перерос в роту, которая приняла на себя удар наступающих немецких частей.

Большими потерями и кровью моё подразделение обеспечило отход и сколачивание оставшихся сил дивизии. Из 150 бойцов, которыми я располагал, в живых осталось 30–40 человек. Здесь же в этом бою в рукопашной схватке мне выбили почти все зубы, я был контужен в голову и пришел в сознание в санитарном поезде по пути в полевой госпиталь гор. Валдай, в котором я пролежал около месяца.

За эти бои я также был представлен к высокой награде. Документы на награждение представляли лично начальник Особого отдела дивизии подполковник ФУКС, но в последующих боях документы были уничтожены и только в 1944 году частично восстановлены и меня наградили орденом "Отечественной войны II степени".

В конце сентября и начале октября 1941 года по выписке из госпиталя я был направлен в гор. Москву на новое формирование во вторую отдельную мотострелковую дивизию особого назначения МВД (ОМСДОН), которой командовал генерал-майор тов. ЛУКАШОВ.

В мотострелковой дивизии особого назначения, которая дислоцировалась в разных районах гор. Москвы, я сначала был назначен командиром взвода особого отдела, а затем комендантом штаба дивизии, в которой был до июня месяца 1942 года.

В июле месяце 1942 года, помню, когда меня вызвал командир дивизии генерал ЛУКАШОВ и передал мне приказ идти на работу в должности адъютанта штаба МВД к генералу тов. НИКОЛЬСКОМУ или тов. СОКОЛОВУ (точно не помню).

Но на этой должности работать долго мне не пришлось. Я был зачислен в Высшую Ордена Ленина Пограничную школу МВД в г. Алма-Ата, куда я уехал спустя 5 дней с должности адъютанта ставки МВД.

С июля 1942 года и по июнь 1943 года я находился на учёбе в ВВП, в составе которой с января 1943 г. и по апрель 1943 г. участвовал в Чечено-Ингушской операции, а также выполнял другие задачи, которые были поставлены передо мной.

В июле месяце 1943 года я снова возвратился в гор. Москву в составе ОМСДОН МВД, в которой работал комендантом штаба дивизии. В декабре 1944 года я был командирован для прохождения службы в распоряжение группы СУСАЙКОВА в гор. Бухарест (Румыния). В то время тов. СУСАЙКОВ возглавлял Союзную контрольную комиссию в Румынии, Венгрии и Австрии.

Будучи в Румынии, Венгрии и Австрии я был при штабе 66-й особой дивизии в должности старшего помощника начальника 1-го отдела штаба дивизии с дислокацией в г. Сибиу (Трансильвания) и в военном звании капитана.

В составе этой дивизии, которая выполняла особо важные оперативные задачи в Румынии, Венгрии и Австрии, я пробыл до апреля месяца 1945 г.

С апреля месяца 1945 г. и по февраль месяц 1946 года я снова в гор. Москве в составе ОМСДОН.

С февраля 1946 года и по ноябрь 1950 года я был переброшен в гор. Львов в составе 32-й дивизии особого назначения МВД, в задачу которой входила охрана особо важных объектов промышленности,

а также борьба в Западной Украине с украинскими националистами, где я работал в штабе дивизии и в 62 полку МВД помощником начальника штаба полка по боевой подготовке, а затем помощником начальника 1-го отдела штаба дивизии.

32-я дивизия Особого назначения, выполнив задачу, которая была поставлена перед ней, в ноябре месяце 1949 года прекратила свое существование и часть расформировалась, после чего я снова был направлен в Москву на формирование военно-строительных частей МВД, которыми командовал генерал-майор тов. ШЕРЕДЕГА.

Здесь под Москвой я работал по строительству, т.е. по своей гражданской специальности в должности старшего прораба участка, помощником командира соединения по труду, начальником штаба войсковой части, а затем командиром части строительного подразделения, где мне в 1953 году было присвоено воинское звание подполковника.

В июне месяце 1953 года я сильно заболел на желудок язвенной болезнью двенадцатиперстной кишки и по этой причине попал в военный госпиталь, там я был комиссован как непригодный к службе в мирное время и в феврале месяце 1954 года был уволен в запас Советских войск.

Мне подсчитали выслугу, набрали 21 год службы, списали в запас и дали пенсию 30% от оклада, т.е. 78 рублей, которые я и получаю в настоящее время.

Вот так сложилась моя служба и армейская жизнь.

В Ы В О Д :

1. 20 лет своей жизни я отдал служению нашей Родине в войсковых подразделениях.